

ЭО, 2009 г., № 2

© Л.Н. Хаховская

ЭВЕНЫ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОНИМИИ

Этнонимические исследования – классический сюжет этнологических штудий. В силу примордиалистских установок в советской теории этноса принято было различать самоназвания народов и этнонимы "вообще", т.е. внешние (Крюков 1984: 6). Подразумевалась аутентичность происхождения самоназвания, которое рассматривалось как индикатор зрелости этнического самосознания, служившего, в свою очередь, одним из наиболее существенных признаков этноса. Отчасти эта тенденция сохраняется и по сей день. Между тем изучение источников и механизмов обретения этнических имен выявляет дискурсивную природу процесса идентификации по этому признаку и ставит под сомнение правомерность проведения сколько-нибудь жестких границ между эндо- и экзоэтнонимами. В настоящей статье мы попытаемся проследить это на примере этнической номенклатуры потомков тунгусоязычного народа, населяющего северную часть Охотского побережья и прилегающие континентальные территории. Речь пойдет в основном о коренных жителях Магаданской обл., известных в настоящее время как эвены.

В свое время ситуацию с этнонимией, обозначающей эвенов, в том числе и магаданских, осветил В.А. Туголуков в статье под красноречивым заглавием "Народ один – названий много" (1970б). Действительно, при взгляде "изнутри", во время экспедиции этого исследователя в Магаданскую обл. летом 1969 г., выяснилось, что охотские эвены документально и/или в речевой практике выступали, по крайней мере, под четырьмя этнонимами – *тунгус, ороч, эвен, ламут*. Причем в разные исторические периоды и по отношению к различным локальным группам доминировали те или иные термины. Интерес представляет тот факт, что к настоящему времени на первый план вышло наименование *эвен*, не известное основной массе тунгусоязычных жителей рассматриваемого региона до начала 1930-х годов. Каким же образом это стало возможным и какова была динамика выявления этнических имен?

Общеизвестно, что в досоветский период эвены официально числились тунгусами. Распространенность термина *тунгус*, имеющего, как полагают исследователи, якутское происхождение (Туголуков 1970а: 204–208; Миссонова и др. 2006: 135), была чрезвычайно широка, поскольку он обозначал также и современных эвенков. Другими словами, в то время не проводили номенклатурного разграничения между этими близкородственными этносами, а рассматривали их как общность. Анализ источников, хранящихся в Государственном архиве Магаданской обл. – большей частью это архивы охотских церквей (Тауйской, Ямской, Ольской и Гижигинской), относящиеся к XIX – началу XX в., – свидетельствует, что данным термином исчерпывалась досоветская официальная этнонимия тунгусоязычных аборигенов, обитавших в северной части Охотского побережья, – как оседлых ("пеших"), так и кочевых. Эта же этническая идентичность отражена в светских документах, например, в отчете Гижигинского окружного начальника (ГАМО 1: Д. 1. Л. 13).

В документации раннего советского периода обнаруживается преемственность в использовании термина *тунгус* по отношению к кочевым и оседлым жителям тунгус-

ского происхождения. Согласно отчету Ольского районного исполнительного комитета за 1926 г., в районе кочевали 1562 тунгуса (ГАМО 2: Д. 23. Л. 159) в составе девяти номерных тунгусских родов. В документах Приполярной переписи 1926/1927 г. выделен Гижигинско-Тунгусский р-н, в котором зафиксированы тунгусы кочевые (1126 чел., 198 хозяйств) и тунгусы оседлые – (125 чел., 22 хозяйства) (ГАМО 3: Д. 5. Л. 3). Тунгусский статус охотских кочевников документально прослеживается вплоть до начала 1930-х годов – например, в письме начальника геологоразведочной экспедиции В.А. Цареградского (1931 г.) упоминаются проводники-тунгусы Лука Громов, Петр Попов, Егор Слепцов и Василий Дьячков.

Ситуация меняется в 1932 г., когда в документах появляется термин *ороч* (*орочел*). При этом одновременно используются оба этнонима. Так, из доклада оргкомитета Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1932 г. следует, что в Охотско-Колымском р-не учтены "орочелы-тунгусы" (3523 чел.) (Там же: Д. 16. Л. 4). Еще более показательны материалы Первого съезда Советов Северо-Эвенского р-на, проходившего 19–26 августа 1932 г. в с. Наяхан. Съезд назван "орочельским", однако в речах представителей советской администрации коренные жители района обозначены то тунгусами, то орочами. Сами аборигены в своих выступлениях также использовали оба термина, например: "Политика партии и советской власти такова, чтобы орочи сами управляли своим районом и округом"; "Надо вовлекать грамотных тунгусов в работу" и т.д. (ГАМО 2: Д. 246). Таким образом, не ставя под сомнение внешнее происхождение этнонима *тунгус*, отметим, что к началу 1930-х годов состоялся его переход в одно из самоназваний (или, по крайней мере, этот процесс шел). Но тунгусская идентичность кочевников северной части Охотского побережья прерывается вследствие преобразований советского периода, логика проведения которых потребовала отказаться от обобщающего термина в пользу "специализированного", причем последний еще предстояло выбрать.

Довольно неожиданное появление в источниках термина *ороч* привело В.А. Туголукова к ошибочному предположению: «скорее всего в период национального районирования (в начале 1930-х годов) этот дореволюционный этноним (тунгус. – Л.Х.) был изъят из обращения и вместо него был введен этноним "орочелы"» (Туголуков 1970б: 133). В действительности этноним *ороч* на место "изъятого" даже не выдвигался, и причиной тому, полагаем, были два обстоятельства – во-первых, широкая распространенность его (или подобного) на территории всего Дальнего Востока, во-вторых, неосведомленность лиц, принимавших решение о его бытовании на рассматриваемой территории. Эта неосведомленность, впрочем, вполне объяснима. Этноним *ороч* (*орочол*, *орочел*) применительно к восточной ветви тунгусов вообще малоизвестен, а по отношению к охотским жителям упоминается лишь в документах XVII в. как наименование одной из группировок тауйских тунгусов (Долгих 1960: 538)¹. Литературные источники конца XVIII – первой четверти XX в. об этнониме *ороч* применительно к населению севера Охотского побережья умалчивают, за исключением, насколько нам известно, И. Булычева, в середине XIX в. установившего, что оленьные тунгусы, соседи коряков, "называют себя ороча" (1856: 246). Свидетельство Булычева, однако, дальнейшими исследованиями досоветского периода не подкрепляется.

Скажем, известный северовед В.И. Иохельсон, работавший на территории будущего Северо-Эвенского района в начале XX в., упоминает здесь только тунгусов (Иохельсон 2005). Но уже менее чем через 30 лет другой известный ученый, М.Г. Левин, пишет о тунгусах Ольского и Северо-Эвенского районов: «Самоназвание их – "орочел" (мн.ч.), "ороч" (ед.ч)» (ГАМО 3: Д. 5. Л. 6). Более поздние исследователи разделяли это положение Левина, говоря о тунгусоязычных оленеводах, кочевавших в северной части Охотского побережья как о группе с самоназванием *ороч* (Цинциус 1947: 6; Попова 1981: 5 и др.). Следовательно, к 1930-м годам функционирование данного этнонима в качестве самоназвания было свершившимся фактом, а процесс его

"укоренения" начался раньше этого времени, на что указывают и данные Булычева. Но вопрос о том, как и когда наименование небольшой тауйской группировки (необязательно оленеводческой) стало самоназванием 3,5 тыс. оленеводов Охотско-Колымского края (ГАМО 3: Д. 16. Л. 4) (а кроме того, еще и камчатских эвенов), в литературе не прояснен².

Этимология термина неоднозначна. Среди исследователей устоялось мнение о том, что он восходит к "основному жизненному занятию – оленеводству" (Попова 1981: 5; Василевич 1969: 11, 12), разделяемое, однако, не всеми (Никонов 1984: 57, 58). Кроме того, существуют предположения, что термины *ороч* и *эвен* в прошлом могли отражать социальные различия либо "племенные особенности" (Попова 1981: 131). Попова также высказала догадку о том, что термин эвен в прошлом мог быть именем человека (Там же: 17). Полагаем, один из механизмов введения в оборот коллективных имен был таков, что какое-либо конкретное наименование (вид хозяйственной деятельности, название местности, а также, возможно, имя предка, лидера и др.) переносилось на группу в целом. В дальнейшем групповое имя, начав самостоятельную жизнь, могло быть заимствовано, перенесено, навязано другим коллективам. Самое важное, на наш взгляд, что происходило это в ситуации взаимодействия коллектива с контактными группами, когда соседи должны были договориться о взаимных "установочных данных". Чаще же обстоятельства складывались таким образом, и это будет показано ниже, что информацию об этнонимах называющая сторона получала благодаря посредникам, которые в силу этого становились если не авторами, то соавторами этнических имен. Следовательно, термины, даже считающиеся самоназваниями, на самом деле являются "продуктом творчества" взаимодействующих сторон, которых, по-видимому, бывает не менее трех. Аутентичность же этнонимам придает временной фактор: с течением времени подразумеваемая естественность происхождения названия "изнутри" народа заслоняет дискурсивный, договорной характер его обретения.

Поэтому (хотя выяснить конкретный контекст вхождения в оборот этнонима *ороч* пока не представляется возможным), по-видимому, мы действительно имеем дело с результатом расселения тунгусов-орочелов, точнее, с сопровождавшими его меж- и внутриэтническими взаимодействиями. В самом деле, вряд ли немногочисленные орочелы смогли бы "навязать" окружающему тунгусоязычному сообществу, также, несомненно, принимавшему участие в освоении северо-восточных территорий, свое этническое имя, если бы не существовало достаточно мощной поддержки извне. Субъектами названия, вероятно, были поставители русских, якутов, других группировок тунгусов. Процесс территориально явно шел неравномерно, о чем говорит единичное упоминание термина, но завершился в конце первой четверти XX в. Во всяком случае термин *ороч* к началу советского периода выглядел вполне естественно, что, впрочем, не помешало советской администрации переименовывать орочей в ламутов и эвенов.

Этноним *ламут* ("тунгусы именем ламутки") впервые употребили русские землепроходцы в 1630-е годы по отношению к тем тунгусам, которых они встретили в верховьях р. Яна (Долгих 1960: 506, 507). В 1740-е годы Я.И. Линденау называет ламутами пеших тунгусов, живших вблизи Охотска, указывая на этот термин как на самоназвание ("называют себя ламутами") (Линденау 1983: 53). Но достаточных оснований признать его эндоэтнонимом нет. Так, В.И. Иохельсон, ставя, по существу, знак равенства между терминами "тунгусы и ламуты"³, отмечал, что "приморские представители этого народа, проживающие в Охотском и Гижигинском округах, известны как тунгусы, а не ламуты. Но ту их часть, которая переместилась на Колыму и обосновалась там, местные жители (русские и якуты) стали называть ламутами" (Иохельсон 2005: 92).

Современные исследователи также отрицали аутентичность термина *ламут* и считали, что он никогда не был самоназванием эвенов (Новикова 1960: 12; Попова 1981: 5, 15). К.А. Новикова писала, что это наименование русские землепроходцы воспри-

няли от соседствовавших с эвенами якутов (Новикова 1960: 12). В.А. Туголуков допускал, что "авторами" этнонима "ламские мужики", употребленного И. Москвитинным в отношении тунгусов (как эвенов, так и эвенков), были их соседи (Туголуков 1984: 36). По-видимому, традиция именовать некоторые группы тунгусов ламутами шла с запада, и к ее возникновению были причастны контактные этносы. Яркое свидетельство тому – сюжет из научного наследия В.Г. Богораз. В 1900 г. он опубликовал очерк под названием "Ламуты", в котором описал кочевников колымо-омолонской группы (Богораз 1900). Сами кочевники называли себя *euip* (ед. число), *euwel* (мн. число), что и зафиксировал В.Г. Богораз в текстах, записанных от информантов (Он же 1931). Но именно эти термины он и переводит как ламут, ламуты (Там же). Это может означать только одно – еще до встречи с кочевниками В.Г. Богораз от третьей стороны знал термин *ламут*, но не знал термина *эвен* (или близкого к нему по звучанию). Отсюда и невольное конструирование Богоразом ламутской идентичности группы. Как пишет У.Г. Попова, «В.Г. Богораз первый из этнографов выделил ... "ламуты", как называли на Колыме и Чукотке эвенов соседние народности» (Попова 1981: 26).

Таким образом, в досоветской историографии и административной практике имелся опыт использования термина *ламут* в качестве этновыделительного, до логического завершения, однако, не доведенный. Наиболее яркий пример – перепись 1987 г., в материалах которой представители одного и того же народа проходят и как ламуты, и как тунгусы ("тунгусы собственно") (Патканов 1906: 12, 16, 32 и др.; 1912: 4, 5, 91 и др.).

Преэвентивность в использовании этнонима *ламут* как "специализированного" определения восточных тунгусов прослеживается и в первоначальный советский период, когда он употреблялся очень активно. В первой советской переписи 1926 г., Приполярной переписи 1926/27 г. воспроизводятся попытки выделения ламутов, также не завершившиеся успехом (Всесоюзная 1928: 7, 25, 27, 169; Цинциус 1947: 5). Профессиональные этнографы в это время также пользуются данным термином, по-видимому, выбранным в научной среде в качестве наиболее приемлемого, несмотря на то что реальность часто расходилась с этой установкой. Именно поэтому в целом ряде этнографических работ обнаруживаются разночтения между "живыми" и "научными" этнонимами. Так, Е.П. Орлова назвала свою статью "Ламуты полуострова Камчатки", хотя и отметила, что самоназвание исследуемой группы было *орочел* (1930). Подтвердил ламутский статус группы с самоназванием *euwel* В.Г. Богораз (1931) в работе, написанной на тех же материалах, что и очерк 1900 года. А.М. Золотарев в 1938 г. писал, что "на Охотском берегу живет восточная ветвь тунгусского народа – ламуты, называющие себя эвенами" (цит. по: Попова 1981: 15).

Подобный разрыв между этнографической реальностью (т.е. названиями, ставшими к этому времени аутентичными) и предварительными сведениями, полученными из других источников, по-видимому, имел место и в более отдаленном прошлом⁴. "Продвижение" же того или иного этнонима зависело от интерпретации называющей, а не называемой стороны. В частности, ламуты могли быть извне идентифицированы как различные группировки будущих эвенов и не только эвенов. Исследователи не случайно обращают внимание на чрезвычайно широкий район распространения термина – "огромная территория от Охотского побережья на востоке до Лены на западе" (Гурвич 1966: 24). В дальнейшем этот внешний этноним мог перейти в самоназвание – именно это, полагаем, произошло с тунгусами, осевшими в районе Охотска, что и зафиксировал Я.И. Линденау. Однако у групп, проживавших северо-восточнее по побережью, данное имя распространения не получило, поскольку, как было показано выше, они восприняли наименование *ороч*. В советское время термин *ламут*, несмотря на активизацию его использования во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов, популярности не снискал и быстро вышел из употребления, вытесненный этнонимом *эвен*.

Процесс введения термина *эвен* также указывает на конструктивистскую природу его обретения. Близкие по звучанию наименования носили отдельные группы будущих эвенов в районе Охотска (*эвъян*) (Линденау 1983: 53; Долгих 1960: 527), в Оймяконском р-не Якутии (*эвын, эвун*) (Николаев 1964: 28), упомянутая группа колымо-омолонских кочевников (*Богораз* 1931) и, возможно, другие сообщества. До настоящего времени нет однозначной этимологии этого этнонима. Происхождение его связывается с названием древнего оленеводческого народа увань (История 1997: 17), с собственно эвенским словом восточных говоров "эвэн" – "местный", "здешний", "спустившийся с гор" (Попова 1981: 6) и др. Кроме того, есть сведения о том, что понятие *эвен* не было известно даже их ближайшим соседям – охотским эвенкам (Туголуков 1956: 145), что у оймяконских эвенов оно имело нецензурный смысл (Николаев 1964: 28)⁵.

"Островной" характер распространения этнонимов *ламут* (оз. Байкал, р. Яна, Охотское побережье и др.), *ороч* (многие местности Дальнего Востока, Охотское побережье), *эвен* (районы Якутии, центральной Колымы, Хабаровского края и др.) свидетельствует, по нашему мнению, о таких механизмах идентификации, при которых в "размножении" и "перенесении" этнических имен участвуют не только и не столько сами члены обозначаемых сообществ, сколько окружающая их среда. Вследствие этого упомянутые этнонимы имели примерно равные шансы стать собирательным именем рассматриваемого народа. Поэтому мы не согласны с К.А. Новиковой, усматривавшей причину "экспансии" термина *эвен* в том, что он был наиболее распространенным самоназванием (Новикова 1960: 11). По-видимому, масштабы бытования особого значения не имеют. По крайней мере, термин *ороч* охватывал не меньшие группы людей, чем "параллельные" термины. Следует обратить внимание на мнение У.Г. Поповой, которая видела ситуативность и внешнюю обусловленность выбора: поскольку первые мероприятия по советскому национальному строительству среди "восточных тунгусов" начались с Охотского р-на, термин *эвен*, характерный для этой местности, и был избран для наименования этнической общности в целом (Попова 1981: 6).

Существование этнонимов придает процессу наименования контекст конкурентности. Так, в первые советские годы ясно видна конкуренция "ламутской" и "эвенской" линий в деле переименования северо-восточных тунгусов. Неудовлетворительная и непоследовательная практика применения термина *ламут*, несомненно, являлась основным фактором, повлиявшим на решение властных органов отказаться от него в пользу нового, на котором не имелось подобного "груза прошлого". Со второй половины 1920-х годов этноним *эвен* вводится административным путем (тогда как в научной среде продолжает использоваться прежний). Уже в 1926 г. на территории современной Магаданской области был образован Северо-Эвенский район, а в 1928 г. принято решение о строительстве Восточно-Эвенской (Нагаевской) культбазы. Постановлением правительства от 10 декабря 1930 г. создается Охотский (Эвенский)⁶ национальный округ, обычно называемый Охотско-Эвенским. Однако он просуществовал недолго (до 1934 г.) и в связи с усилением влияния золотодобывающего треста по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы (более известен как трест "Дальстрой") был ликвидирован. Здесь повторилась та же ситуация, что и с *орочами* – наименование отдельной группы было распространено на более широкий круг носителей с той разницей, что в данном случае конкурентный характер и задействованность в процессе внешних ресурсов прослеживаются ясно.

В период, когда территория Охотско-Колымского региона входила в зону деятельности "Дальстроя", в конкурентных отношениях находились этнонимы *ороч* и *эвен*. Вследствие того, что трест обладал значительной хозяйственной и даже политической самостоятельностью, местные власти в своей практической деятельности могли до известной степени игнорировать предписания о переименовании тунгусов в эвенов и руководствоваться собственными сведениями, собираемыми среди местного населения, которое продолжало именовать себя *орочами*. Поэтому данный этноним в статисти-

ческих и иных источниках выдвигается на первый план. Так, согласно данным 1936 г., в Охотско-Колымском округе насчитывалось 3612 орочей (*Хаховская* 2003: 52). Эвены (48 чел.) учтены только в Среднеканском р-не округа, при том что там же значатся и орочи (124 чел.) (Там же). Полагаем, что это были жители соседней Якутии, время от времени кочевавшие на смежных территориях, которые к тому времени могли уже стать носителями активно внедряемого этнонима. Тунгусоязычное население же Охотско-Колымского округа вплоть до 1950-х годов в местных источниках обозначается орочами. Сложилась парадоксальная ситуация – даже в Северо-Эвенском р-не предстатели "титульного" этноса не проживали. Более того, по свидетельству М.Г. Левина, "название района, включающее термин "эвен", совершенно чуждо коренному населению и поэтому неудачно" (ГАМО 3: Д. 5. Л. 6). Таким образом, использование этнонима *ороч* поддерживалось административной практикой "Дальстроя", которая шла вразрез с повсеместной "эвенизацией" этноса.

Все же, испытав 20-летнее "сопротивление" со стороны этнонима *ороч*, термин *эвен* "побеждает" после ликвидации треста (1957 г.). В 1960–1970-е годы состоялся массовый переход тунгусоязычного населения Магаданской обл. на использование нового этнонима, подкрепленный тем, что в личные документы аборигенов теперь вписывалась "узаконенная" национальность *эвен*. Усвоение нового самоназвания было облегчено и вступлением во взрослую жизнь новых поколений, для которых оно было уже не столь чуждо благодаря средствам массовой пропаганды, развитию образования и т.д.

Доминирование эвенской идентичности подтвердила перепись 2002 г., выявившая в Магаданской обл. следующую "тунгусскую" номенклатуру: эвены (2547 чел.), орочи (126 чел.) и эвенки (25 чел.) (Национальный 2004: 119, 120). Таким образом, потомки тунгусоязычного населения области сегодня уверенно называют себя эвенами – термином, который начал входить в повседневный обиход охотских жителей только в конце 1950-х годов. Поддерживает эвенскую этническую идентичность их численное преобладание среди аборигенов Магаданской обл., зафиксированность этнонима в топонимах (поселок Эвенск, Северо-Эвенский национальный район), сохранение и демонстрация ярких черт эвенской материальной и духовной культуры (одежда, праздники, фольклор).

Появление эвенков, которые до той поры не фиксировались в области, объясняется, скорее всего, неправильной записью этнической принадлежности эвенов. Отсутствие носителей этнонима *ламут* (а их в Магаданской обл., по данным областной администрации, в этот период было не менее 15 чел., переселившихся в разное время из Чукотки) является следствием того обстоятельства, что в утвержденном для переписи списке народов такая позиция отсутствует, и россияне, определившиеся ламутами и ламутами-намотканами, отнесены к эвенкам. Магаданские же орочи "сумели" попасть в итоговый список благодаря тому, что существуют "легитимные", "списочные" орочи – народ, живущий в Хабаровском крае. Отметим, что в будущем это может стать основанием говорить о магаданских эвенах и орочах как о разных этносах – повторится ситуация, в которой оказались магаданские ительмены и камчадалы (*Хаховская* 2003). В целом же номенклатурные преобразования советского периода привели к тому, что внедряемое с 1920-х годов официально признанное наименование *эвен* к настоящему времени прочно вошло в обращение охотских жителей, оставив на периферии такие этнонимы, как *ороч* и *ламут*, и полностью вытеснив термин *тунгус*.

Подводя итог, мы приходим к выводу относительно конвенционального статуса этнонимии, обозначающей один из коренных народов Магаданской обл. Говоря обобщенно, синхронный срез выявляет, как правило, достаточно пестрый "репертуар" наименований любого народа, при этом каждый из этнонимов имеет разную степень "укоренности" в его среде, а отсюда и разную степень аутентичности. Такая избыточность терминологии, считаем, являлась следствием взаимодействий группы с различ-

ными контактными сообществами, что сопровождалось и различными процессами называния. В дальнейшем этнические имена прокладывали себе дорогу разными путями, существуя в условиях конкурентных взаимоотношений субъектов называния. Выход на первый план того или иного из них являлся следствием, условно говоря, "победы" той называющей стороны, которая в данной ситуации обладает несколько большими, чем другие участники процесса, полномочиями, связанными, прямо или косвенно, с институтом власти. В более широком плане это говорит о проблематичности выделения "чистых" эндо- или экзоэтнонимов, и позволяет искать пути к прояснению механизмов обретения этнических имен.

Примечания

¹ По мнению В.А. Туголукова, это были оленные тунгусы (Туголуков 1970а: 212), хотя в источниках об этом ничего не говорится (см.: Долгих 1960: 538).

² Некоторые авторы к тому же связывают широкое распространение этнонима *ороч* с расселением тауйских орочелов по всему Дальнему Востоку (Туголуков 1970а: 213).

³ В англоязычном издании "Tungus or Lamut" (Jochelson 1910–1926: 48).

⁴ Счел же Я.И. Линденау нужным в отношении охотских ламутов сделать оговорку "так называемые" (Линденау 1983: 53).

⁵ Подробный разбор этимологии различных наименований рассматриваемой этнической общности содержится в одной из последних монографий А.А. Бурькина (Бурькин: 2006).

⁶ В данном названии отражено его противопоставление эвенкийским национальным округам.

Источники и литература

- Бульчев 1856 – Бульчев И. Путешествие по Восточной Сибири. Ч. 1. СПб., 1856.
 Богораз 1900 – Богораз В.Г. Ламуты (из наблюдений в Колымском крае) // Землеведение. 1900. Кн. 1. С. 59–72.
 Богораз 1931 – Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сб. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. С. 1–106.
 Бурькин – Бурькин А.А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.
 Василевич 1969 – Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
 Всесоюзная 1928 – Всесоюзная перепись населения 1926 года. Дальневосточный край. Якутская АССР. Т. 7. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928.
 Долгих 1960 – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
 ГАМО 1 – Государственный архив Магаданской обл. Ф. Д-24.
 ГАМО 2 – То же. Ф. Р-17.
 ГАМО 3 – То же. Ф. Р-50.
 Гурвич 1966 – Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966.
 История 1997 – История и культура эвенов. СПб.: Наука, 1997.
 Иохельсон 2005 – Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005.
 Крючков 1984 – Крючков М.В. "Люди", "настоящие люди" (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 6–12.
 Линденау 1983 – Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1983.
 Миссонова, Соколова. 2006 – Миссонова Л.И., Соколова З.П. Феномен устойчивости этнической идентификации уйльта в контексте этнонимической истории народов Севера (конец XIX – начало XXI в.) // Этнограф. обозрение. 2006. № 1. С. 129–145.
 Национальный 2004 – Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ "Статистика России", 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Кн. 1).
 Николаев 1964 – Николаев С.И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск, 1964.